

Мне всегда было приятно вспоминать собственную жизнь, рассказывать о людях и событиях, о городах и странах, о пестроте моих занятий, профессий, о практических и непрактичных поступках... Сейчас, когда пишу эти строки, я работаю главным редактором альманаха «Развитие и экономика». Считаю важным сказать, что никогда в жизни у меня не было ни мечты, ни цели стать главным редактором чего-либо, да и вообще – быть публицистом-журналистом. Но вот стал и тем и другим, и мне это занятие пока по душе.

Роль случая в жизни действительно велика. Вот примеры из моей биографии.

Сергей Николаевич Белкин

Случайные встречи

65
лет

■ С этим человеком – назову его здесь ВЗ («ВэЗэ») – я знаком несколько десятилетий. В конце семидесятых годов я оканчивал аспирантуру, а он в нее поступил. Мы оба тогда занимались теоретической физикой и жили в юго-западной республике СССР. Потом прошла целая жизнь, в течение которой мы очень редко и всегда случайно встречались. Так и в 2006 году, уже в Москве, мы встретились, обменялись дежурными вопросами... Я в этот период, кажется, еще работал директором инновационной компании «Биозащита». Или уже уволился – точно не помню. Во всяком случае, я ощущал себя свободным художником, не имеющим острых материальных проблем, размышляющим – чем бы теперь заняться. Только что вышла из печати моя книга «Что делать с деньгами», в подзаголовке обозначенная как пособие по персональному финансовому планированию. В ней я рассказы-

Родосский форум. 2013 год

вал о мире финансов, об истории и функциях денег, о банковской системе и многих других аспектах, включая философские, политические и психологические. К тому времени у меня вышло уже три книги художественной прозы, и я вошел во вкус свободного сочинительства. Хотелось и дальше писать, хотелось стать «настоящим писателем», научиться писать так, чтобы книги издавались, читались... В общем, я всё еще представлял себе мир писателей таким, каким он был или казался в советские времена: Союз писателей, Переделкино, всенародная слава, гонорары, ЦДЛ, поклонники и поклонницы... А мой старый знакомый ВЗ в это время занимался вещами, которые я не сразу смог воспринять всерьез. Мы прогуливались по моим любимым дорожкам Измайловского парка, и он, не вертя головой по сторонам, игнорируя окружающие нас красоты природы, говорил, глядя в землю, о вещах, которые были от меня бесконечно далеки. Сейчас я могу эту тему хоть как-то внятно обозначить: речь шла о политике, о социальном конструировании, о каких-то интеллектуальных упражнениях и даже проектах в этом направлении. Мне было интересно слушать, и я, как мог, реагировал на сказанное – мне не чужда была озабоченность происходящим в стране. Я с самого начала 90-х уже не принимал ни «ценностей» перестройки, ни насаждаемой в стране политико-экономической модели, но смотрел на это как «просто гражданин». Ну, максимум – как «писатель», готовый, вслед за великими, обличать свежие и злободневные «свинцовые мерзости». А мой приятель ВЗ говорил об этом как проектировщик действительности – и это было для меня внове. В какой-то момент я сыронизировал по поводу его рассуждений: «Ты рассуждаешь так, как будто не просто обра-

щаешься непосредственно к президенту страны, к Путину, а еще и даешь ему указания – что надо делать». Я – иронизировал, а он ответил серьезно: «Ну да, именно так».

Проговорили мы долго, обменялись суждениями по многим вопросам, я подарил ему свои книги, и он сказал судьбоносные – для меня – слова: «Сергей, слезай с печи! Ты же всё понимаешь, многое умеешь». В общем, он меня вовлек в свой странный мир. Сперва я написал по его просьбе две статьи для еженедельника «Экономика и жизнь» – про инфляцию, про необходимость формирования «длинных денег», потом он познакомил меня с людьми, с которыми я шагаю по жизни все последние годы. С их подачи меня пригласили участвовать в Родосском форуме, я узнал о существовании «Диалога цивилизаций» и о многом другом, о чем я вообще не подозревал. Познакомился с замечательными людьми, создавшими привлекательный мир высоких целей, близких мне ценностей. Постепенно я оказался уже глубоко вовлечен в ранее мне неведомый процесс формирования общественно-политического дискурса, начал писать статьи для журнала «Политический класс», участвовать в телевизионных философских беседах «Что делать?» Виталия Третьякова, в работе конференций и Родосского форума. В какой-то момент стало ясно, что тот огромный интеллектуальный потенциал, который вращается вокруг – впоследствии мы назвали это «духовным кластером Якунина», – не то чтобы недостаточно отражен в СМИ... Тут есть проблема поглубже. Я к тому времени уже понимал, что «смыслы» и «ценности» нуждаются в том, чтобы ими управляли, чтобы им помогали рождаться, жить, взрослеть, формировать системные конструкции. Я

Родосский форум. 2014 год

также явственно ощутил глубину и силу порочного водоворота, поистине «Маракотову бездну» или «Низвержение в Мальстрём», в которые вовлечена страна, встроенная всем своим существом в ошибочную идеологическую и экономическую доктрину. Самодовольный «экономизм», хамовато и безапелляционно затыкающий рты всем, кто пытался взглянуть на происходящее хотя бы с точки зрения здравого смысла, виделся мне как одна из главных опасностей для судьбы государства, общества. Нужно было сформировать центр кристаллизации для иных точек зрения, дать возможность не только высказываться, но и превращать высказывания в долгоживущие и долго работающие тексты, доктрины.

В конце 2010 года в Пицунде мы с Михаилом Байдаковым организовали и провели конференцию «Неосознанное взаимовлияние экономики и общественной среды». Материалы конференции легли в основу первого номера альманаха «Развитие и экономика», вышедшего в 2011 году. Теперь вот мы держим в руках 13-й номер.

А встреча с ВЗ была случайной.

■ Отмотаю пленку еще немного назад – в начало девяностых. И расскажу об еще одной случайной – и тоже судьбоносной – встрече.

В 1991 году я и моя семья еще жили в той самой «юго-западной республике», в Кишиневе. Молдавия доживала свои последние дни в составе СССР, уже вовсю бушевали уличные политические страсти. Перестройка была, что называется, «на марше»: разрушение СССР было близко к завершению, националисты и антисоветчики антирусского толка уже были выпестованы и – при прямом покровительстве и подстрекательстве из Москвы – вели свою подлую работу во всех столицах бывших союзных республик. Мне уже стало ясно – что в республике происходит и к чему идет, я не видел приемлемой перспективы для себя и своей семьи. Я понимал, что из Молдавии надо уезжать – если не готов осознать и ощутить себя румыном, неприязненно относящимся к русским, или не готов примириться с ролью второсортного гражданина, виноватого во всех действиях русских царей и советских руководителей. Но уехать было очень непросто – особенно если хотелось вернуться в Россию. Россия о русских не заботилась – ни тогда, ни прежде, ни сейчас. Так что если ты русский, можешь быть сколь угодно глубоко склонен к коллективизму, к соборности и сотрудничеству, только со стороны государства российского сии качества проявлены не будут.

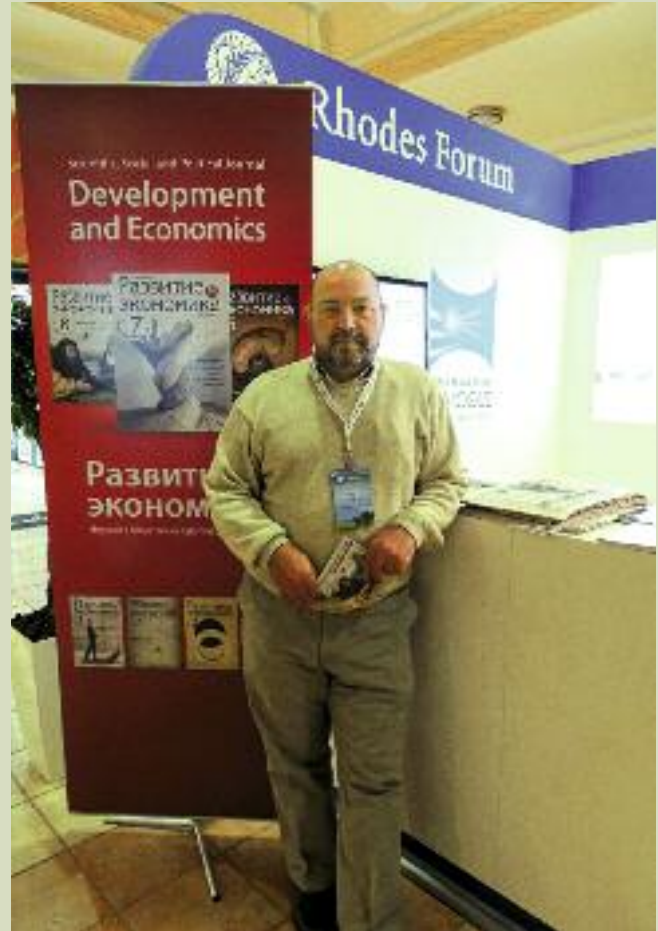
О том, как я не мог найти работы в России, рассказывать не буду. Расскажу о том, как смог. Зимой и весной 1992 года я часто ездил в Москву. В то время я уже занимался бизнесом, взаимодействовал с московскими предпринимателями и пытался в этой среде найти какие-то возможности для переезда. Но никакие целенаправленные попытки результатов не да-

вали. Однажды – это было, наверное, в апреле или мае 1992 года – я гостил у брата в Москве. Мой брат – архитектор. И в выходной день он был приглашен на дачный участок к какому-то летчику, хотевшему построить или перестроить дачу. Поскольку я в этот день ничем не был занят, брат пригласил меня проехаться с ним – просто за компанию. А летчику мы планировали сказать, что я не просто так тут болтаюсь, а буду держать конец 30-метровой рулетки для обмера участка.

Летчик забрал нас в условном месте – возле Театра на Таганке. Подъехала новенькая автомашина «Вольво-940» цвета морской волны, мы сели и поехали. Летчик сам был за рулем, рядом с ним сидела его жена. Участок оказался довольно далеко, вблизи Тучкова, так что покатался я – провинциал – на малодоступной тогда иномарке вдоволь.

Произведя все обмеры, мы с братом были приглашены перекусить. Летчик и его жена оказались людьми приветливыми и щедрыми. Выяснилось, что летчик недавно заработал много денег, участвуя в поставках противогозлов куда-то – то ли в Ирак, то ли в Кувейт. И вот прикупил дачу, которую собирается перестроить. Познакомившись со мной, он спросил – чем я занимаюсь. Я, не вдаваясь в подробности, рассказал. К полной моей неожиданности он спросил: «А в Москву перебраться не планируешь?» Я честно ответил, что хотел бы, но пока неясно, как это сделать. Летчик ненадолго задумался, налил мне еще рюмочку, чокнулся – хотя сам не пил – и задал еще более неожиданный вопрос: «Что такое платежное поручение – знаешь?» Я, разумеется, знал, поскольку к тому времени успел побыть и директором кооператива, и директором Центра научно-техниче-

Родосский форум. 2013 год

ского творчества молодежи, и даже директором товарно-сырьевой биржи. Он задал вопрос посложнее: «А платежное требование?» Я и тут оказался на высоте. После этого последовало предложение. «В общем так, – сказал летчик. – Я тут решил авиакомпанию создавать. Пойдешь ко мне финансовым дирек-

Зальцбург. 2011 год

тором?» Понимая, что всё это скорее праздные разговоры, нежели серьезная беседа, я все-таки ответил честно: «Всё это, конечно, интересно, но жить в Москве мне негде, прописки у меня нет, – тогда это было очень важно, – и денег для покупки какого-либо жилья в Москве и даже в ста километрах от Москвы у меня тоже нет. На дешевый дом где-то далеко в провинции я еще, быть может, и наскребу, а об остальном пока мечтать рано».

Летчик ответил, что прямо сейчас достать из кармана 50 тысяч долларов для покупки мне квартиры в Москве он не может, но зато уверен, что через полгода я сам эти деньги уже буду иметь. «Ты не знаешь, что такое авиационный бизнес. Тут вообще за пару недель можно состояние сколотить!»

Я действительно не знал, что такое авиационный бизнес. Я ничего не знал и об этом человеке. Но бывают в жизни минуты, когда решения принимаются не на основании знаний, анализа и всего прочего, а просто так, по интуиции, спонтанно. И я принял его предложение.

В общем, домой в Кишинев я вернулся с решением «все бросить», арендовать квартиру в Москве и рискнуть начать этот новый бизнес. По моим расчетам, имеющихся денег мне должно было хватить почти на год. К тому же я теперь знал, что «авиационный бизнес – это, брат, такая штука...» Однако никто не знал, что начавшийся 1992 год принесет с собой гиперинфляцию, что, переехав в Москву в июне, к октябрю я окажусь неспособным платить за жилье ежемесячно вдвое возраставшую арендную плату, что первую зарплату – 7 долларов – я получу только в ноябре...

Но в конце концов всё сложилось благополучно. И авиакомпанию создали, и деньги заработали, и квартиру купили.

А встреча-то с летчиком была совершенно случайной.

■ Из «Книги прощания» Юрия Олеши: «Одно из ощущений старения – это то ощущение, когда не чувствуешь в себе ростков будущего. Они всегда чувствовались; то один, то другой вырастал, начинал давать цвет, запах. Теперь их совсем нет. Во мне исчезло бу-

дущее!» Олеша написал это 26 января 1956 года, через полтора месяца ему исполнится всего-то 57 лет, а он ощущает себя стариком. Но зоркий глаз и наблюдательность его не покинули. Читая его мемуарные дневники, я многое примеряю к самому себе, в том числе и это наблюдение про «ростки будущего». И с радостью замечаю, что во мне – 65-летнем – этих «ростков» ничуть не меньше, чем в любой другой период моей жизни. Больше того: я всё еще всерьез время от времени размышляю – «кем быть?» Когда-то я написал шутивное стихотворение, в котором огласил неполный перечень своих «ипостасей»: «Кем был я в жизни? – Сыном, братом, студентом, аспирантом, кандидатом, ученым, инженером, вокалистом, отцом и мужем, финансистом, биржевиком, директором, соседом... Был даже, братцы, киноведом!» Список далеко не полный, а у меня еще «в запасе» множество нереализованных идей. Иногда, чтобы позабавить друзей, я говорю, что после 75 лет я планирую стать эстрадным певцом. А что? В молодости я действительно целый год учился вокалу, «во мне» был полный диапазон баритона. Остатки голоса пока еще есть, хоть и постаревшие. Но для определенного не слишком сложного ресторанного репертуара его еще хватит. Главное, однако, – не все шутки превращать в серьезные намерения...

Вернусь к теме случайностей. Несмотря на то, о чем я только что рассказал, признавая тем самым роль случайностей в жизни, я вовсе не склонен полагаться на счастливый случай. И никогда не был склонен. Все мои действия имели вполне целенаправленный характер, и лишь спустя время я мог вычленить в канве событий те, которые возникли случайно, но влияние оказали решающее. Вот и сейчас, заговорив сам с собой о будущем, о «ростках нового», я вовсе не полагаюсь на внезапную удачу. И главное: я научился процесс ценить больше, чем результат. Я счастлив всё время, а не только в отдельные моменты, которые можно считать достижением, реализацией, успехом. Но научился этому – быть счастливым – я не сразу. Об этом – еще одна история о роли случая. Пять лет тому назад – в 2010 году – вышла моя книга «Искусство жить, или Как быть счастливым, несмотря ни на что». Поскольку я не являюсь ни психологом, ни психиатром, ни «народным целителем», ни даже «коучем личностного роста», надо объяснить природу этого неожиданного замысла.

Я никогда не следовал каким-то системам, жизненным принципам или чему-то подобному, позаимствованному из книг или у авторитетов и возведенному в ранг «кодекса». Разумеется, всё то, что, как мне кажется, рождалось внутри меня как бы само собой, на самом деле имело своим истоком что-то увиденное, услышанное, воспринятое извне. Говоря о том, что я не следовал системам, я имею в виду лишь форму – типа вывешивания каких-то правил над пись-

менным столом или составления перечня личных недостатков, от которых хочется избавиться, как это делал, например, Лев Толстой. Я «просто жил», переживая все те эмоции, которые нас охватывают, – обиды, страхи, досады, разочарования, стыд и прочее, – не пытаюсь ими как-то управлять. Эмоции приходили и уходили, оставляя зарубки на сердце, в памяти, определяя поведение, общение, жизненные цели и многое другое. В общем – почти всё. То, что эмоции нами управляют, а не мы ими, я осознал уже в очень взрослом состоянии. Большую часть жизни я – как, смею вас уверить, и подавляющее большинство людей – прожил ведомый эмоциями, не вполне этот факт осознавая. Единственное, что я мог с ними время от времени делать, – это подавлять те, которые хотелось скрыть. Ну и пытаться стимулировать появление положительных эмоций, стремясь либо оказаться в подходящей обстановке, которая эти эмоции должна пробудить, либо прибегая к иным способам из разряда физиологических... Наблюдения за самим собой, за окружающими, чтение книг, размышления и то, что называется жизненным опытом, позволили мне нащупать иные возможности. До поры до времени мне хватало самонаблюдения, размышлений, потом на глаза стали попадаться (то есть я не сразу стал целенаправленно искать литературу и погружаться в тему) книжки по психологии. Оказалось, что эмоциями можно вполне эффективно управлять!

Мне захотелось этому не только научиться, но и научить других. А для этого надо написать книгу – учебное пособие. Но ведь я не психолог – в том смысле, что у меня нет соответствующего диплома. Осознание этого было фактором сдерживающим, но не непреодолимым. Преодолеть его мне помогли два рассуждения. Первое – я вполне могу брать за написание научно-популярной литературы, здесь я «в своем праве». Второе рассуждение мне в свое время «подсказал» Александр Сергеевич Давыдов – выдающийся советский физик, автор многих учебников и монографий: по квантовой механике, по физике твердого тела, по биофизике и другим областям естествознания. Однажды в обстановке, позволявшей задать ему вопрос наедине, я спросил: «Как вам удалось написать столько учебников по самым разным, не связанным друг с другом направлениям?» Он с удовольствием хмыкнул и сказал: «Я тебе отвечу... Дело в том, что я всегда был очень любопытным и хотел во всем разобраться. Так вот, чтобы разобраться в новой для меня области, я первым делом писал учебник. Пока пишешь для других, глядишь, и сам разберешься...» Моя смелость в написании книги «по психологии» объясняется в том числе и таким подходом. А теперь – очередной «случай». Спусковым крючком послужила книга, однажды купленная в аэропорту Бангкока, *The 100 Simple Secrets of Happy People*

(«Сто простых секретов счастливых людей»), написанная неким Дэвидом Найвеном из США. Удобный карманный формат, мягкая обложка – то что надо для чтения на пляже. Чем дальше я ее читал, тем больше мне хотелось написать свою книгу примерно на ту же тему – слишком уж велико было мое недовольство: очень упрощенный и откровенно торгашеский подход у этого автора, все утверждения – и верные, и неверные – подаются в рекламном стиле, призванном втюхивать товар. Да и само представление о счастье никак не совпадало с моим: «американское счастье» и «русское счастье» – не одно и то же. Мне бы хотелось прочитать самому и дать почитать друзьям другую книгу, о «другом счастье»: одновременно и глубокую, научно точную, и легкую – по стилю, языку. И при этом обладающую всеми свойствами практического пособия, самоучителя.

Я взялся за работу над такой книгой сразу по возвращении с прекрасного острова Самуи. На ее написание ушло три года, мне пришлось основательно погрузиться в профессиональную литературу по психологии, проверять на практике многие рекомендации и технологии. Удивительно и радостно, что книгу взялось опубликовать издательство «Феникс», что книга быстро разошлась тиражом 2500 экземпляров. И даже то, что издательство меня подло обмануло, не заплатив ни копейки из положенного по договору гонорара, меня не огорчило. В том числе и потому, что я был безмерно счастлив, пока писал эту книгу. Я действительно очень много узнал и о мире эмоций, и об искусстве управления ими, я освоил многие приемы на практике и даже их усовершенствовал, мне стало легче жить – и это обретение со мною теперь навсегда. Надеюсь, что и прочитавшие мою книгу тоже обрели умение быть счастливыми, несмотря ни на что. В завершение я вспоминаю 11-й тезис Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Это относится и к психологии, к «проблеме счастья». Психологи – и моя книга «Искусство жить» в том же русле – объяснили мир эмоций, научились управлять ими и оставаться счастливыми в любых обстоятельствах. Это хорошо, но этого мало. Управлять своим эмоциональным миром – полезный навык, но, как ни крути, это не более чем технология ухода от действительности. Иногда бывает, что только это и остается делать. Но почему бы, когда возможно, не попытаться изменить мир?

Поэтому я, оставаясь «лично счастливым», пытаюсь влиять на несовершенство окружающей действительности, стремлюсь понять природу социальной дисгармонии, найти подходы к ее устранению. И самая главная радость, самая сильная надежда состоят в том, что я делаю это не в одиночестве, а в кругу единомышленников.

Спасибо им за это! 🙏